

Вступление

Я всегда была интровертом. Наверное, с рождения. Мама говорила, что не смогла меня отдать в ясли, потому как в общем манеже я орала. Затихала только, когда меня отсаживали.

«Гражданочка, у вас совершенно неясельный ребенок. Воспитывайте эту индивидуалистку сами!» — поставили мне диагноз.

С годами мало что изменилось. У меня не было ста друзей, которых полезно иметь вместо ста рублей. Их было всего трое, но зато надежных. В общем, отношения с людьми складывались нелегко.

С животными — другое дело! В нашей семье всегда были кошки и собаки, хомячки и декоративные крысы. Мне кажется, я понимаю их лучше, чем своих разумных собратьев.

Сейчас я уже дама, давно перешагнувшая возраст под названием «ягодка опять». Все так же люблю хвостатых, четвероногих и крылатых.

Они отвечают мне взаимностью. И мои две бывшеприютские собаки, и коты, которых я подкармливаю. Даже птицы по утрам приветствуют и требуют: «Бабка, кормушки пустые, насыпь чего-нибудь, а?»

Нет, все, что положено среднестатистическому гражданину в жизни, я сделала. Построила дом, посадила кучу деревьев, а еще вышла замуж и вырастила сына.

Лет пять назад получила удаленную профессию, сбежала из мегаполиса на дачу и начала писать. Конечно же, большинство моих историй о животных.

Многие литературные гуру советуют рассказывать о том, что автору близко. Я стараюсь следовать их совету.

Так появился этот сборник. Здесь есть мистика и романтика, драма и комедия. Хотелось уйти от записок юного натуралиста и показать братьев наших меньших со всей их сложностью и глубиной. Надеюсь, у меня получилось.

Кошечкина и Горюныч

Маргариту Васильевну во дворе не любили. Даже кличку ей дали — Кошечкина. Маленькая худенькая старушка обладала невероятной энергичностью и такой же вредностью. Бабульки на скамейках замолкали, мамы на детских площадках непроизвольно загораживали детишек своими могучими фигурами, а алкаши вытягивались по стойке смирно и переставали покачиваться, когда во двор выходила Кошечкина.

— Ну что, переносицы старые, затихарились? Бойтесь, что я ваши планы по захвату поликлиники выведваю? — приветствовала Маргарита Васильевна обитательниц лавочки, недобро смотревших на нее.

— А ты, Митяй, чего за стеночку держишься, упасть мне в ножки боишься? — интересовалась Кошечкина у местного алкоголика Мити.

— Нинка, где детенок-то твой?! А вот он, сердечный... За твоей кормой и не видать! Чего же это он у тебя по вечерам орет как резаный?! Убиваешь ты его там, что ли, или он у тебя просто невоспитанный? — Не могла молча пройти Кошечкина мимо соседки с верхнего этажа.

Вопросы Маргариты Васильевны обычно оставались без ответов: связываться с Кошечкиной никто не хотел. Себе дороже. Впрочем, она и не ждала ответов, догадывалась, как к ней относятся окружающие. А поговорить иногда страсть как хотелось...

Поэтому, когда Кощеевна однажды выносила мусор на помойку и обнаружила «живой мешок», она обрадовалась. Нет, сначала, конечно, испугалась, даже за сердце схватилась. Видано ли, чтобы мусорный мешок самостоятельно ползал и при этом пищал! Но потом, собрав в кулак всю свою храбрость, Маргарита Васильевна подтянула странный мешок к себе поближе и развязала. Внутри копошился черный щенок с рыжими подпалинами...

— Вот тебе и пожалуйста! — удивилась Кощеевна. — За что же это тебя так, милый?! Самих бы их на помойку выкинуть!

После этого пламенного пожелания Кощеевна вынула щенка из мусорного пакета, прижала к груди и понесла домой.

— Не бойся, парень! Теперь заживешь как у Христа за пазухой! — обещала она.

Щенок был согласен и не меньшее: после помойки-то...

* * *

Зная, что весь двор кличет ее за глаза Кощеевной, Маргарита Васильевна над именем для щенка долго не думала.

— Будешь Горынычем, чтобы мне соответствовать! — объявила она найденышу.

Горыныч возражать не стал и в знак согласия тут же напрудил лужицу в коридоре.

— Хотя, может, стоило назвать тебя Водяным... — задумчиво произнесла Кощеевна и пошла за тряпкой.

Рос Горыныч быстро. И вскоре превратился в статного, длинноногого красавца, ростом выше колена хозяйки. Выглядел пес так, что невольно закрадывалось подозрение: наверное, его бабуля согрешила когда-то с доберманом... Маргарита Васильевна души в нем не чаяла: холила, лелеяла, иногда баловала, но и воспитывать не забывала.

Где-то она слышала, что команды для собаки должны быть короткими и понятными. Строго следуя этим правилам, Кошечкина обучала Горыныча.

— Кушь! — коротко приказывала она. И Горыныч скалил зубы, готовясь покарать врага.

— Не жрать! — командовала Кошечкина, пес послушно бросал только что схваченный с пола тапок.

— Брысь! — велела хозяйка. Горыныч беспрекословно шел к себе на лежанку.

— К мамке! — Пес подбегал к Маргарите Васильевне, восторженно виляя хвостиком.

Дворовое сообщество отнеслось к появлению собаки у Кошечкиной по-разному.

— Сама злющая, как собака, а теперь еще и настоящего пса завела! Добром это не кончится! — судачили старушки на скамейке.

— Плохо человеку одному, вот и завела родную душу, чего вы крыситель, — высказывал свою точку зрения Митя-алкоголик, проходя мимо старушек.

— Главное, чтобы эта ненормальная за своим псом следила! Не дай бог, кого из детей цапнет! — переживала соседка сверху Нина, уперев руки в мощные бока, обтянутые веселой желтенькой футболкой.

* * *

Самой Маргарите Васильевне не было никакого дела до того, что о ней говорят. Горыныч прогнал из дома ставшее уже привычным тоскливое одиночество. И она ему была за это благодарна. А еще теперь ей было с кем гулять и разговаривать. Однажды вечером они совершали круг почета по двору. Кошечкина тихонько беседовала с Горынычем.

— Ты вот хороший пес, добрый... Тебя люди на помойку выкинули, а ты вроде как их простил. Хвостом нашим старухам у парадной машешь. Митьку-пьяницу ни разу не облял.

Мамашек с их отпрысками терпишь и зубы не скалишь. А я вот озлобилась с годами, характер испортился...

Так и было с чего! Сын Ванька про меня вспоминает раз в год. Видишь ли, я его жене Верке не нравлюсь. А чего я ей плохого сделала?! Жизни учила? Так, на то нам старость и дана, чтобы мудростью с молодым поколением делиться! А иначе бы умирали мы лет в тридцать, как только потомство родим!

Соседи меня опять же не любят. А вот за что?! За то, что правду говорю? Свои права отстаиваю?! А что же мне молчать, когда мне на шею садятся?! Если у Нинки ребяенок по ночам орет и мне спать мешает, почему я это терпеть должна?! А эти бациллы на лавочке? Ведь все кости мне уже перемили, да и остальным жильцам тоже! Что же, я их поддеть не имею права?! — сегодня Кощеевна разошлась не на шутку.

Они уже сворачивали к дому, когда в тени кустов сирени увидели двоих. Мужчина схватил женщину за руку и, ругаясь шепотом, тащил в заросли. Та сопротивлялась.

— Помогите! — Кощеевна узнала голос Нинки, мамашки шумного ребенка сверху.

— Не ори, хуже будет! — прошипел мужчина и ловко зажал Нине рот.

Маргарита Васильевна, ни секунды не сомневаясь, отцепила поводок Горыныча.

— Кусь! — скомандовала она. И пес черной молнией метнулся к мужику.

— Ах ты! Отцепись! — взвыл мужик, выпустил Нину и рванул в сторону, но пес держал крепко.

— К мамке! — рывкнула Кощеевна. Горыныч с сожалением выпустил вражескую штанину и потрусил к хозяйке. Мужик, прихрамывая и ругаясь, растворился в темноте.

Нину трясло, по красным пухлым щекам катились огромные, как градины, слезы.

— Ну, хватит уже, Нин, все позади! — Маргарита Васильевна погладила соседку по руке. Хотела ободряюще похлопать по плечу, но не дотянулась.

— С-с-спасибо... — Нина попыталась улыбнуться. — Даже представить не могу, чтобы со мной было, если бы вы не появились!

Маргарита Васильевна окинула взглядом дородную Нинкину фигуру, подумала: «Да ничего бы не было! Раздавила бы ты этого убогого как клопа!» Но озвучивать свои мысли не стала...

— А ты просто герой! Я тебе завтра вкусенького куплю! Спаситель! — Нина погладила Горыныча и пошла к парадной.

* * *

На следующий день, когда Кошечкина с Горынычем вышли во двор, их встречали, как героев! Когда только Нинка всем успела развонить о вечернем происшествии?!

— Ох, Маргарита, какой же у тебя песель толковый, оказывается! Молодец! Храбрец! — наперебой затараторили старушки на скамейке.

— А я говорил вам... — Многозначительно поднял палец Митяй. Но уточнять, что именно он говорил, не стал.

— Судя по всему, когда мы будем проходить мимо детской площадки, нас ждет салют. Ты уж не пугайся! — тихонько сказала Маргарита Васильевна Горынычу.

Салюта не было. Но мамочки смотрели на Кошечкину и ее пса настолько восторженно, что той стало неудобно. Неожиданно со скамейки поднялся смутно знакомый Маргарите Васильевне мужчина.

— Я слышал, вы мою жену вчера от насильника спасли. Спасибо! Вот уж не ожидал, что у вас такая хорошо обученная собака! Думал, невоспитанный охламон... — обратился он к Кошечкине.

Маргарита Васильевна зарделась от удовольствия.

— Да нет... Обучила кой-каким командам! Горыныч — умник, все на лету схватывает, — поведала Кошечкина.

И тут же, увидев, что пес, заскучав, обнюхивает что-то, рывкнула: — Не жрать!

Собеседник Кошечевны подскочил, а Горыныч разочарованно оставил свою находку.

— Своеобразные у вас команды... — сказал мужчина, придерживаясь за левую половину груди.

— Так ведь пес понимает, а большего и не надо! — сказала Маргарита Васильевна.

— Наверное... — пробормотал мужчина, а потом спохватился. — Вот! Нина просила подарок своему спасителю передать! — Он протянул большой пакет, на котором была изображена веселенькая рыжая собачка. — Подарок...

С тех пор отношения с соседями у Кошечевны наладились. Нет, совсем идеальными они, конечно, не стали... Но явно улучшились. Бабульки у парадной стали вполне доброжелательно приветствовать ее и Горыныча. А уж когда Кошечевна и пес отходили на приличное расстояние, брались за пережевывание косточек: тихонько, чтобы она не услышала. Да и звать ее стали теперь чаще по имени-отчеству.

Даже капризный Нинкин сынок, кажется, стал меньше орать по вечерам. А собственный сын Маргариты Васильевны поразил ее до глубины души, когда, наконец, приехал в гости и сообщил с порога:

— Мам, да ты у меня великий воспитатель и героиня в одном лице!

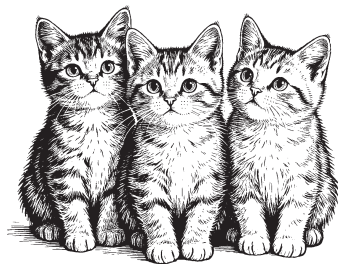
— А ты-то откуда знаешь?! — изумилась Кошечевна.

— Кумушки у подъезда лучше любого гугла! Всю информацию даже без запроса выдают. — Улыбнулся сын. — Может, зря моя Верка не захотела слушать, когда ты ее жизни учила...

Маргарите Васильевне было очень приятно слышать такие слова.

— Может, и зря! Вот Горыныч меня слушает, и все у него в жизни замечательно! — Маргарита Васильевна потрепала пса по голове. Тот благодарно завилял своим куцым хвостиком.

Мамка

— Лужи, холодрыга, на макушку что-то капает — лето называется, — ворчала Жека, царапая взглядом мокрый тротуар по дороге на работу.

Вся ее жизнь была похожа на это хмурое утро. Какая-то она у Жеки получилась ни плохая и ни хорошая. Никакая! Сорок пять, а вот не чувствует себя Евгения Петровна Васильева ягодкой. Скорее урюком сушеным, ну, или изюмом каким-нибудь. Живет себе по инерции: на работу ходит, домой возвращается, еду готовит, кофе варит. Все по привычке. Тускло, блекло, безрадостно существует да небо коптит. А начиналось-то все вроде неплохо. Муж был, только сплыл. Другую нашел, покрасивее Жеки да поинтереснее. А саму Жеку, уходя, еще и носом, как котенка нашкодившего, в ее недостатки ткнул:

— Серая мышь ты, Евгения Петровна. Белесая моль! С тобой только на похороны ходить хорошо! А знаешь почему? Лицо у тебя всегда кислое. Да и одежда всегда подходящая для такого мероприятия — либо черная с серым, либо серая с черным.

Жека раньше за собой всего этого не замечала, а вот как благоверный пальцем указал, так и заметила. Действительно, улыбается она ой как редко. Мало в жизни причин для улыбок. А смех без причины — признак дурачины. Все это знают. И одежду Жека предпочитает темную, немаркую. Прав муж, во всем прав. Но все равно обидно.

— А чего же ты тогда на мне женился? Искал бы сразу женщину-праздник и мне бы нервную систему не портил, — возмутилась она.

— Так не знал я, что ты и внутри такая же траурная, как твоя одежда. Думал, серьезная. Решил, что для семьи серьезная женщина — самое то! А ты не серьезная. Ты просто скучная зануда. Увлечений у тебя нет. Желания базовые, эмоции рыбы. В общем, ухожу. Прощай, дорогая.

Переживала Жека предательство мужа. Где-то в глубине души плакала, страдала, только вот наружу все это не выпускала. Привыкла она так. Да и мама, если хоть слезинку увидит, начнет:

— Чего рыдаешь в три ручья? Какая беда случилась? Мужик ушел? Туда ему и дорога! Экие вы сейчас все нежные! Трудностей настоящих не нюхали. Горя большого не знали!

Можно подумать, сама Жекина мама это горе ложками черпала. Жила себе вполне нормально. Но вот не терпела она, когда из человека эмоции прут. Эдакая железная мадам. И дочку по своему подобию воспитывала.

Но с мамой все же было лучше, чем совсем одной. Это Жека поняла, когда мамы не стало. Инфаркт. Не выдержало мамино сердце: разорвалось от непрожитых эмоций и давленных чувств. Так думала Жека.

Со смертью матери жизнь окончательно потеряла краски, а их и без того было негусто. Друзей у Жеки не водилось. Ну кому интересно дружить с вечно хмурой, ворчливой теткой. Животных Жека сама не жаловала. Никогда их в доме не было, и сейчас не нужно.

Но тем прохладным мокрым утром случилось удивительное.

* * *

Серая облезлая кошка заступила Евгении Петровне дорогу. Села аккуратно между двух луж, на единственный асфальтовый островок, где можно было пройти, и попросила:

— Мау, мау!

— Брысь! — велела Жека, не знавшая кошачьего языка.

Кошка уходить не собиралась. Смотрела на Жеку, как на последнюю надежду, потом и вовсе подошла, обняла Жекину ногу облезлым хвостом и снова взмолилась:

— Мау!

«Эх, бедняга! — неожиданно пришла в Жекину голову мысль. — Такая же серая, брошенная и ненужная, как я сама. Помочь, что ли, для разнообразия? Ведь куда-то она меня зовет». А кошка и правда звала, делала шажочек в сторону, оборачивалась, умоляла взглядом, а потом снова возвращалась к Жекиной ноге.

И добилась-таки своего. Евгения Петровна Васильева, удивляясь самой себе, последовала за серой бездомной кошкой. Та привела ее к мокрым от дождя зарослям сирени, нырнула в сырой полумрак. Жека, чертыхаясь, натянула на голову капюшон куртки, заглянула в сиреневые джунгли.

Трое котят попискивали в сырой траве, а рядом копошился маленький щенок.

— Вот тебе раз! — удивилась Жека. — Это как у тебя такое получилось? С котятами все ясно, а собака-то откуда?

Кошка отвечать не стала. Деловито подошла к своему семейству, всех облизала, успокоила, а потом взяла собачью мелюзгу за шкирку и подтащила к Жекиным туфлям.

— Ты хочешь, чтобы я этого забрала? — догадалась Жека. — Ну ничего себе! Ты прямо супермамка: заботливая, ответственная, добрая.

Она подняла крошечного щенка на руки, задумалась: «Ну хорошо, его заберу. А кошка с котятами? Как они-то будут? Жалко!» Мысли были непривычные, словно не Жекины. Никогда она раньше не отличалась эмпатией. А тут гляди ж ты. Проняло! Да еще как проняло, аж до слез, до самой глубины души. «Старею», — думала Жека, а сама тем временем собирала пищащий выводок за пазуху. Кошка не мешала: чувствовала — не навредит им Жека. Кошки про такое просто знают.

— Ну пошли, мамаша! — позвала ее Жека. — Теперь у вас другой адрес будет.

Кошка муркнула и засеменила рядом с Жекой к подъезду.

* * *

На работу она, конечно, безнадежно опоздала. И немудрено. Пока принесла шерстяных карапузов домой, пока место для новых жильцов обустроила. В общем, провозилась.

— Евгения, чего это ты сегодня? — директор магазина на Жеку даже не ругалась. — Ты же у нас никогда не опаздываешь.

«Ну раз никогда не опаздываю, чего прицепилась?» — подумала Жека. Но вместо этого неожиданно для себя сказала:

— А вам котик не нужен, Любовь Ивановна? Или собачка?

Такого вопроса начальница от Жеки не ожидала. Она-то была уверена, что Евгения Петровна Васильева все живое либо ненавидит, либо испытывает к нему чувство полнейшего безразличия. А тут вдруг кошечка, собачка...

— Мне не надо. Уже есть. А вот девочкам нашим предложить могу, — слегка растерялась Любовь Ивановна.

— Спасибо, — сдержанно кивнула Жека. — Будет очень кстати. А то я в своей бухгалтерии и не вижу никого почти.

Поблагодарила и уткнулась в монитор, закопалась в делах насущных. Но ненадолго, так как вскоре в дверь постучали:

— Евгения Петровна, можно? — В дверь заглянула Зиночка, продавец сопутствующих товаров.

Жека настороженно кивнула: «Чего это она? Премию оспаривать явилась? Все-то им мало!»

— Я насчет кошечки... — Зина просочилась в кабинет. — Мне Любовь Ивановна сказала, что вы кошку отдаете.

— Котят, — поправила Жека. — Троих и одного щенка. Порода никакая. Подобраны под кустом сегодня утром.

Жека говорила привычно сухо, словно отчет читала. Но, несмотря на это, Зиночка выглядела удивленной.

— Вы подобрали котят? На улице? Бездомных? — переспросила она так, словно Жека единолично спасала Землю от апокалипсиса.

— Подобрала. Меня кошка позвала, — попыталась объяснить Жека, чувствуя себя при этом чудовищно глупо.

— Ой, как же это мило! — вздохнула Зиночка и порозовела. — Я-то думала, вы... А вы!

Жеке стало совсем неловко.

— Ну так что? Котят смотреть будете? Я вам адрес тогда напишу, — спряталась она за официальным тоном.

— Буду! И котят буду смотреть, и собачку. Только, если не возражаете, я еще Леночку из молочки и Верочку из гастронома прихвачу? А то одной-то мне столько животных ни к чему. А они тоже интересовались, только вот зайти к вам побоялись. Меня отправили.

— Побоялись? — изумилась Жека.

Она предполагала, что коллеги ее недолюбливают, избегают, но вот что бояться! Это что-то новенькое. Она же вроде ни на кого голос не повышает. Ведет себя со всеми ровно-отстраненно. А гляди же ты. Напугать, оказывается, и без крика можно.

— Ну, да! — кивнула Зиночка. — Говорят, не может наша Жека... Ой, простите, Евгения Петровна, котят пристраивать. Директор точно что-то напутала. Наша Жека, ой... Бухгалтер наш скорее живых змей в раздевалку запустит, чем кого-то пожалеет.

«Ничего себе мнение о моей персоне!» — ужаснулась Жека.

— А еще что говорят? — она строго посмотрела на Зиночку.

— Да ничего... — замялась та.

— Ну нет уж, Зинаида, колитесь до конца.

— Ну чего говорят... Говорят, что вы сухарь, простите, что живете одна, что ни детей, ни мужа, ни интересов,

окромя работы, у вас нет. Поэтому вы такая мрачная и равнодушная! Вот, в общем-то, и все. — Зиночка боялась поднять на Жеку глаза.

— Понятно... Ну ладно, вы не тушуйтесь, Зинаида. Держите, — Жека протянула Зиночке желтенький стикер с написанным на нем адресом. — Жду вас часов в восемь.

Зиночка схватила листочек и выскользнула из кабинета, оставив Жеку в раздумьях. «Сама виновата. Выстроила вокруг себя стену, на людей смотрю как на микробов. Вот и сплетничают. Да и правы они во многом: превратила свою жизнь в день сурка. Работа-дом, дом-работа. Ни увлечений, ни привязанностей. Один дурак сто лет назад обидел, а я на всей жизни крест поставила. Конечно, еще мама руку приложила... Так ведь уже и мамы сколько лет нет. Сама уже не девочка, а все жить никак не начну! Разве ж у меня жизнь? Функция! Нет, пора с этим завязывать».

* * *

Девочки котят разобрали. Всех троих: двух котов и одну кошечку. А вот их серую мамку Жека у себя оставила, как и черного щенка. Как он появился в кошачьей семье, долго оставалось загадкой. Но однажды, много месяцев спустя, и эта тайна раскрылась.

Жека тогда гуляла с Угольком, Мурка смотрела на них из окна, ждала. И вот у своего подъезда разговорилась она с соседкой Егоровной. Такое теперь частенько случалось:

— Красавца своего прогуливаешь, Женечка? — помахала рукой Егоровна. — Хороший какой песель вырос. Красивый, упитанный, блестящий. Хвост задорный, колечком.

Уголек сел, наострил треугольнички ушей, словно понимал, что о нем говорит Егоровна.

А та продолжила:

— Вот хороший ты все же человек. Хоть и долго это скрывала. Песика приютила, кошечку пожалела. А ведь есть

и другие! Нелюди! Например, сосед мой, Славка. Такое тебе сейчас про этого изверга расскажу, заплачешь.

У Егоровны сегодня было желание поговорить, и Жека присела на лавочку рядом с ней.

— Встретила я однажды этого Славку с черным мусорным пакетом на лестнице. Поздоровалась. Тот буркнул что-то в ответ — вежливость не его конек. Я бы так и прошла мимо. Вдруг слышу, а в мешке у него что-то пищит. «Чего это там у тебя?» — спрашиваю. А он на меня зыркнул недобро и молча по лестнице вниз!

Я сначала смалодушничала, убедить себя пыталась, что послышалось мне. А потом не выдержала, рванула к мусорным бакам. Никого не нашла. Только пакет пустой, порванный, на вершине мусорной кучи трепещет. Да кошка тощая в зубах что-то тяжелое, черное прочь потащила. Я без очков и не разглядела.

Но я тебе говорю точно: живое там что-то было! Щенок или котенок. Потому что позже я слышала, как Славкин сынишка рыдал: «Зачем ты его выкинул, папка? Он же живой, хороший!» А Славка на него рычал: «Нечего заразу всякую в дом таскать!» Ясно же, кто у него в мешке был. Эх, не успела я, трусиха старая! Не помогла животинке. Простить себе этого не могу.

Но вот что я думаю. Раз не нашла я никого в мусорке, может, спасся бедолага? Как ты-то думаешь, Женечка?

— Думаю, спасся, — улыбнулась Жека и погладила Уголька по голове.

Все встало на места. Мурка-мамка, не иначе, вытащила бедолагу из мусорки.

— Пойдем мы, Маргарита Егоровна, — попрощалась Жека. — Кошка нас заждалась уже. Вон по подоконнику туда-сюда бродит.

— Идите, дорогие. Доброго вам денечка, — пожелала Егоровна.